

Е. В. Косинцева

ОБРАЗ ПРАВЕДНИКА В ПРОЗЕ Е. Д. АЙПИНА

В хантыйской литературе, входящей в группу финно-угорских литератур и ведущей свою историю с 30-х гг. XX в., получили развитие традиции деревенской прозы. Вместе с художественным методом деревенской прозы, который получил развитие в произведениях Р. П. Ругина, Е. Д. Айпина, Т. А. Молдановой, З. В. Лонгортовой, в хантыйской литературе появился образ праведника, воплощающего традиционные этнические ценности. Писатели, сами выросшие в хантыйской деревне, родовом поселении, транслируют на страницах своих произведений традиционный уклад жизни народа, знают беды, связанные с промышленным освоением Сибири. В хантыйской литературе нет традиционного изображения деревни. Образ поселения формируется под влиянием географических условий и традиционного образа жизни народа (здесь фиксируются чум, зимний и летний дом, охотничья избушка, заимка, стойбище, рыбацкий стан и проч.). Но концепция героев вполне традиционная для деревенской прозы. Один из показательных образов этой литературной традиции – образ праведника. В словарном толковании этого понятия праведник – человек, который в своих поступках и поведении не нарушает требований нравственности.

В творчестве Е. Д. Айпина этот образ наиболее ярко просматривается в рассказе «Во тьме» и романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари». В двух героях – Ефреме и Демьяне – праведность связана с этнофилософским взглядом на мир. Созданный писателем праведник характеризуется слитностью с природой и землей, сопричастностью к роду; он стремится жить по законам высокой нравственности, имеет собственное восприятие мира. В нем отражаются ментальные особенности национального характера. Герои-праведники становятся воплощением «национально-традиционных ценностей» и на страницах произведений хантыского прозаика, на что указывал В. Е. Хализев. Анализ произведений Е. Д. Айпина показывает, что герой-праведник не в состоянии противостоять изменениям, принесенным цивилизацией на Север. Не случайно автор использует символ «ночная тьма» как маркер гибели, исчезновения светлого, доброго, духовно и нравственно чистого в мире и в человеке.

Герои-праведники Е. Д. Айпина согласно этим этическим нормам, определяющим их взгляды и поступки, в совокупности с этнической системой нравственно-религиозных ценностей и запретов реализуют концепцию праведности в хантыйской литературе.

Ключевые слова: хантыйская литература, образ праведника, Е. Д. Айпин, деревенская проза.

В XX в. в русской литературе разрабатывается деревенская тематика, определившая появление направления, именуемого «деревенская проза». Интерес писателей вызывали не только социально-экономические проблемы деревни, но и нравственные, бытовые, эстетические традиции жизни народа. Главным в «деревенской прозе» становится человек: его характер и духовный мир в меняющихся условиях жизни. А. И. Солженицын, говоря о «деревенской прозе», подчеркнул, что «В большой доле материал этих писателей был – деревенская жизнь, и сами они выходцы из деревни, поэтому <...> эту группу стали называть деревенщиками. А правильно было бы называть их нравственниками, ибо суть их литературного переворота – возрождение традиционной нравственности, а сокрушенная вымирающая деревня была лишь естественной наглядной предметностью» [Солженицын 2000, 186].

В хантыйской литературе традиции деревенской прозы отражаются в произведениях Р. П. Ругина, Е. Д. Айпина, Т. А. Молдановой, З. В. Лонгортовой. Писатели, сами выросшие в хантыйской деревне, родовом поселении, транслируют традиционный уклад жизни народа, зная беды, вызванные освоением Сибири «первопроходимцами».

Отметим при этом, что в хантыйской литературе нет привычного изображения деревни. Образ поселения формируется под влиянием географических условий и традиционного образа жизни народа (здесь фиксируются чум, зимний и летний дом, охотничья избушка, заимка, стойбище, рыбацкий стан и проч.). Но концепция героев вполне традиционна для деревенской прозы.

Один из развитых ее образов – это праведник. В Толковом словаре Д. Н. Ушакова читаем: «Праведник – человек, в своих поступках, в своем поведении ни в чем не погрешающий против требований нравственности» [Ушаков, 2005, 746]. В. Е. Хализев, выделив две формы праведничества (собственно религиозную, приближающуюся к святости, и бытовую, житийно-идиллическую), подчеркивает, что «Герои-праведники становятся воплощением национально-традиционных ценностей <...>» [Хализев 1997, 112]. Н. А. Вальянов, оценивая образ праведника, подчеркнул, что вызванные жизнью обстоятельства не могут сломать природу праведных людей: они остаются верны своим принципам и идеалам [Valianov 2015, 1466].

Бытовой тип праведности отражается в художественных произведениях Р. П. Ругина и Е. Д. Айпина. Их герои, благодаря нравственной интуиции, жертвенности, этическим нормам, определяющим их взгляды и поступки, в совокупности с этнической системой нравственно-религиозных ценностей и запретов реализуют концепцию праведности в хантыйской литературе. О герое-праведнике в прозе Р. П. Ругина мы уже говорили [Косинцева 2012, 42–49], здесь же рассмотрим образ праведника в прозе Е. Д. Айпина: рассказе «Во тьме» и романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари».

Рассказ этот был написан в 1977 г., а впервые опубликован в книге «Клятв-вопругступник» (1993). Главный его герой Ефрем – охотник и глава семьи, отец троих детей (две дочери и сын учатся в школе-интернате, домой приезжают на летние каникулы). Жена считала его – «со странностями. <...> Весь он, начиная с лохматой макушки, черных доверчивых глаз, вечно обветренного лица с плавными линиями и кончая короткопалыми руками и ногами – весь излучал

божью доброту, божье всепонимание. И фигура какая-то округлая, и движенья мягкие, неспешные. Злые языки говорили, что он даже не прищепнет комара, насосавшегося его крови, – жалко изводить живность. А на охоте будто бы сначала прощения испросит у зверя, только после этого стреляет, если тот не покажет ему хвост» [Айпин 1993, 66–67]. Но, несмотря на такую характеристику героя, в колхозе его считали хорошим охотником. Еще одна традиционная черта охотника-ханты – это немногословность. Вот и Ефрем крайне редко говорит, все больше молчит, «видно, дорого ценит слово». Привычка наблюдать за окружающим миром, размышлять, придает герою черты мудреца-философа. Да и детали: трубка, река – усиливают это восприятие.

В жизни следует правилам, которые соблюдали и его предки. Например, когда приезжают гости, Ефрем строго следит за тем, чтобы не нарушались правила гостеприимства: кто бы ни пришел в дом, всегда угощай чем богат, не роняй достоинства дома. Герой искренне верит, что боги «с лихвой возместят то, что было поставлено гостям». Следуя вековым традициям распределения обязанностей в семье, он знает, что от него зависит благополучие семьи и рода.

Ефрем – открытый, доверчивый, искренний, наивный герой, которому трудно принять меняющиеся условия бытия. После первой кражи вещей из лабаза Ефрем удивлялся: кому летом понадобились зимние кисы? Ведь, «с тех пор, сколько помнит себя, ничего не терялось. А ведь немало воды утекло за эти годы – по охотничьей книжке ему пятый десяток идет. <...> И вот поди ж ты – обокрали!» [Айпин 1993, 65]. Супруга Ефрема – полная его противоположность. Она быстрее адаптировалась к изменившимся условиям жизни и смотрит на жизнь реалистично-прагматически. Отсюда и конфликт в семье: «Жена, как водится, сердито ворчала:

– Замок, замок надо купить! Сколько я тебе говорила?! Вон, у низовых, когда уже вещи стали пропадать!.. Тебе говори – не говори – все мимо ушей идет!.. Горе мне, горе! <...> Тебе-то все равно!..» [Айпин 1993, 66]; «<...> между тем причитала жена. – Пропадем мы с тобой, ни за что пропадем. И где я тебя такого выкопала? У всех мужья как мужья, а у меня?! Голову твою украдут – не заметишь, нет. Разве есть такие люди, а? <...> Но она воочию убеждалась, что есть на свете и такие» [Айпин 1993, 66]. Даже после второй кражи герой сохраняет примирительную позицию: свершившегося факта не изменить, украденного не вернуть. Пока зверь и рыба ловится, семья сможет прожить (правда, автор использует характерное выражение перспектив будущей жизни – «как-нибудь»).

Бездействие не человеческой глупостью или недальновидностью героя объясняется, а отражает этнически обусловленный стереотип поведения человека, сформированный культурой народа, в которой принято доверять людям. Это подтверждают и рассуждения героя о первой пропаже: «Одно хорошо знал Ефрем: свои, местные рыбаки и охотники не могли такой грех на душу взять. Не могли. <...> Бывало, если кому-то приспичит и что-то возьмет у соседа, так свой знак оставит. Мол, был у тебя человек такого-то рода и такую вещь взял. <...> А потом сам объявится и взятое вернет». [Айпин 1993, 65]. Размышления о ворах приводят героя к мысли, что кражу совершил чужой, не знающий древних традиций народа.

Натиск цивилизации и ближайшее окружение пытаются изменить взгляды героя. После очередной неприятности Ефрем размышляет о «новых» людях.

Корень зла, повлекший череду неприятностей, он видит в недоверии людям. Герой не может осознать и принять тот факт, что замки могут оградить от воровства. Замок вызывает любопытство, интерес, и человек, даже если и не вор, движимый этими чувствами, хочет узнать, что спрятано за замком. А нет замка – нет и посылка к краже. Примирительностью и всепрощением Ефрем в глубине души оправдывает воров – рубщиков просеки «без роду-племени», давно утративших то, что «связывает род с родом, человека с человеком».

Ефрем поймет, что норма жизни изменилась, только тогда, когда кражи из случайности перейдут в систему. Изменится и взгляд героя на людей. Раньше он смотрел в лицо человека и пытался заглянуть ему в душу, понять его – добрый ли, хороший ли. Сейчас он уверен, что пришлые люди: «Первограбители, первовзломщики... <...> Вот кто они!..» [Айпин 1993, 72]. Ефрем становится замкнутым, необщительным. Он начинает понимать, что живет не в том мире, в котором жили его предки: «Может быть, он раньше чего-то не понимал? Жил не так, как надо было жить?! А теперь времена изменились, по-иному все надобно делать. То мнилось ему, что взломали специально, чтобы посмеяться над ним, над его доверчивостью и добротой. То вспомнились слова жены, которая, видимо, более чувствительна к переменам в таежной жизни: “Добреньким теперь не проживешь – быстро заключают, времена не те!”» [Айпин 1993, 72]. На пепелище собственного дома в финальном эпизоде рассказа герой понимает, что мир изменился безвозвратно: вера героя в добро, порядочность превратилась в пепелище, как и его дом, который сожгли воры, обнаружив замок на двери. Горький смех героя на пепелище – это здоровое осознание им того, что древние законы и нормы жизни трансформировались безвозвратно.

Устоявшийся мир рушится; новые условия жизни героем отторгаются. Попытки приспособиться к ним не делают его счастливым. Герой-праведник не в состоянии противостоять тем изменениям, что привнесла цивилизация вместе с промышленным освоением Севера. Не случайно возникает символ *ночная тьма* как маркер гибели, исчезновения светлого, доброго, духовно и нравственно чистого в мире и в человеке. Новая реальность поглощает Ефрема, подобно ночной тьме: «Наступила ночь. Он не знал, куда ткнуться в этой тьме. А тьма все сгущалась. А тьма все поглощала пепелища, берег, лес и, наконец, поглотила все вокруг, будто не стояло здесь древнее селение, будто никогда не жили тут люди охотничьего рода Ефрема...» [Айпин 1993, 74].

Аналогия с Ефремом прослеживается и в другом герое Е. Д. Айпина – Демьяне из романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари». Как подчеркивает Ю. Хазанкович, «Еремей Айпин запечатлел трагедию конкретного человека, трагедию хантыйского охотника Демьяна и через жизнь его семьи отразил судьбу целого этноса. <...> В нем серьезно поставлена жизненно важная тема – тема выживания сородичей» [Хазанкович 2002, 77].

Демьян – глава семьи, один из главных героев романа, воспринимается «как не от мира сего». О его «ином» восприятии мира знает и супруга Анисья. Семья героя живет на родовом уголье. Доброта, отзывчивость, немногословность отличают Демьяна из рода Медведя. К.Я. Лагунов в книге «Портреты без ретуши», характеризуя Демьяна, написал: «Демьян – не ординарный охотник, он – человек мыслящий, одержимый идеей всеобщего братства людей, неразрывной

связи человека, природы и космоса. Он живет для людей, охотится для людей. Он верит в несокрушимую силу Добра, в возможность мирного разрешения любых конфликтов, включая и тот, наиглавнейший, занимающий и волнующий Демьяна конфликт меж природой Югры, ее хозяевами и оголтелыми временщиками – грабителями недр земных, губителями всего живого» [Лагунов 1994, 88].

Демьян руководствуется в жизни собственными теориями. Это тип героя-философа. На протяжении романа мы знакомимся с теориями Демьяна, одна из которых – «теория родства»: «Жил Демьян и не просто промышлял зверя и птицу, ловил рыбу, собирал ягоду и кедровый орех, а все это для родственников делал, которые в малых селениях, в поселке, в городе и в других добрых странах живут. <...> Поэтому и жить надо по-родственному, понимать надо друг друга» [Айпин 1990, 27]. Помимо кровного родства он считал родственниками всех людей рода Медведя, а также всех тех, у кого так или иначе определялся его родовой знак, и всех, кто был в родстве с ними. При этом национальная принадлежность значения не имела. Согласно теории героя все люди на земле – родственники. Свою теорию родства и собственно родственные отношения к людям он прививал сыновьям: «Будь достойным родственником», – учит Демьян своего сына.

Предпосылки возникновения теории *родства* появились еще в детстве героя, когда отец наставлял Демьяна на жизненный путь: «С людьми нужно хорошо жить, говорил ему отец. Для чего? Человек, прожив на земле отведенные ему дни, уйдет в потусторонний мир. И коль он оставит о себе добрую память, люди с благодарностью будут вспоминать его. А это приятно его потомкам – детям, внукам и другим родственникам и близким» [Айпин 1990, 134]. Уроки отца Демьян усвоил прочно. Когда отца и братьев забрали на фронт, Демьян помогал матери. Он работал погонщиком оленей, во время войны – почтальоном, а к окончанию войны самостоятельно ездил на рыбалку и охоту.

Именно вера в родство погубила Демьяна. Были разрушены те связи, которые соединяли его с миром, верой, жизнью. О. Лагунова в монографии «Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги)» отмечает: «“Связь” для Демьяна – это суть бытия земного и внеземного, это ядро модели мира героя и автора, что во многом определяет структуру романа. Стойбище и Вселенная, семья и род, предки и потомки, память собственная и чужая, судьба своя и не своя – во всем этом “человек должен найти себя”. И в оставшиеся несколько дней земной жизни Демьян предпринимает попытку (возможно, не первую) найти себя в своей дороге, в дороге рода, в жизни Земли и Вселенной. <...> Желание и стремление найти, а если ее нет – попытаться наладить “связь” между собой и всем (всеми) остальным – генетическая черта хантов» [Лагунова 2007, 123].

Е. Д. Айпин оправдывает героя в его исканиях *родственности*, которая является одной из важных основ жизненного миропорядка, связи поколений: «Он четырежды убит вместе с отцом и братьями и многожды – вместе с другими родственниками. Поэтому, чтобы жить и чтобы не канул в небытие еще один человеческий род, ему нужна надежная родственная связь с человечеством. Не будь этой связи, сейчас он не жил бы на земле» [Айпин 1990, 35]. Анисья пытается объяснить мужу, что отношение к родственникам и теория *родства* ничего

не дают ни ему, ни его семье. На что Демьян отвечает, что ему ничего, кроме понимания, не нужно.

Теория *родства* связана в романе с мотивом *дороги*. Этим мотивом обусловлен философский взгляд на мир героя: в чем, отчасти, кроются истоки его теорий. М. А. Литовская в статье «Картина мира в романе Е. Д. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари» подтверждает эту мысль: «Демьян <...> по роду деятельности часто оказывается вне общества людей, а по месту жительства вынужден совершать многодневные переезды, оставаясь наедине с самим собой и миром. Как рассуждает сам герой, «когда едешь, много думаешь. Зимой на оленях едешь – дорога длинная. Мысль приходит: зачем я живу? Летом по реке плывешь, по воде. А вода и вовсе бесконечна... опять думаешь, как я живу?» [Литовская 2002, 130–143].

Провожая Демьяна в путь, Анисья просит его, чтобы он отложил поездку, руководствуясь предчувствием и теми пророческими знаками, которые поступают извне (*тоскливый вой собаки, лик смерти в глазах оленихи*). О дороге Демьяна в романе О. Лагунова пишет: «Дорога от стойбища в поселок – это не просто физическая, географическая дорога из одного пункта в другой. Эта дорога соединяет оторванные друг от друга поколения одного рода, одной семьи» [Лагунова 2000, 20].

Демьян на обратном пути заезжает к искателям. Он считает, что с новыми соседями необходимо установить добрососедские отношения, тем более что руководит ими его «родственник» по фамилии Медведев. Едет Демьян к искателям и за тем, чтобы унять душевные муки, найти понимание и поговорить: «И теперь, когда он услышал шум машин, вдруг с новой силой вспыхнул безжалостный огонь души. <...> Нельзя с такой болью домой приезжать. Домашние от него не жажда-боль ждут. Нет, нет... Кто поможет ему избавиться от этой боли? Помог бы кто, хоть поговорить с кем. С кем же? Отца нет, братьев нет, сыновья еще малы... Да и далеко они, в поселке... Разве что искатели? К ним заехать?!» [Айпин 1990, 308]. Но искатели не понимают намерений Демьяна – вместо избавления от боли он обретает новые страдания, а это разрушает и мир героя, и его самого.

В конце романа Анисья впервые выезжает за пределы дома с девочками без мужа. Она хотела успеть спасти их последнюю олениху, а вместе с нею – и свою семью от разрушения, которое принес в их дом Демьян: «Я Пеструху запрягу! – кричала младшая Таисия. – Моя очередь! Моя!

– Нет, моя! – убеждала старшая Вера. – Ты сейчас на ней ездила! Ведь ездила? Скажи: ездила? <...> Где Пеструха?! – отрывисто выдохнула Анисья.

– Вот она, – пролепетали разом присмирившие девочки и показали на бутылку с темной металлической пробкой» [Айпин 1990, 326].

Вторая теория Демьяна – «теория веры». Для Демьяна существовало две веры: ученая и простая. Суть ученой веры он объяснял Марине так: «Вы верите в учение, в книги, в коммунизм. Верите людям, которые написали эти книги, придумали эти слова и идеи. Это – ваши боги. <...> Главное – вы верите. С их помощью ищите Высшую Истину Жизни...» [Айпин 1990, 132]. Простая вера, по мнению Демьяна, – «вера тех, кто не сможет постичь учение <...>. С помощью

этой веры они ищут Высшую Истину Жизни» [Айпин 1990, 133]. Герой убежден, что у всякого человека должна присутствовать эта вера. А *Высшая Истина Жизни* – это смысл жизни человека, ведь главное – это чтобы в душе не было пустоты.

Третья теория Демьяна – это «теория любви». Теория строится на уверенности в том, что где-то живут люди, которые встречаются и создают семьи. Судьба сводит людей, до момента встречи не подозревающих о существовании друг друга и тогда «И жизнь стала больше, мир – шире, небо – выше. <...> И все стало на двоих. На двоих» [Айпин 1990, 140]. Любовь, по мнению Демьяна, подобна природе: «<...> девушка тихо заговорила. Демьян слушал ее мягкий певучий голос, похожий на мелодичный и чистый говор таежного родника. Такие родники встречались ему в урмане, на пологих склонах сопок, под сенью ельника и кедрача. Он останавливался и долго ненасытно впитывал в себя говор родника, что завораживал его необыкновенной чистотой звуков и необъяснимыми переливами мелодии. После, спустя многие дни, он мог вспомнить весь напев и спеть его без слов: “Вов-во-во-во-во-вов...”. В нескольких звуках будет столько нюансов, что невозможно их передать ни словами, ни нотами...» [Айпин 1990, 142]. Демьяна словно заморозит мелодия, в которой нет ни одного лишнего и неверного звука, и в голове его родится вопрос: «что может быть искреннее и правдивее напева родника?! Что может быть искреннее и правдивее самой природы?!».

В конечном итоге оправдала себя лишь одна теория – «теория веры». После событий, которые произошли с ним (герой заехал к искателям, которые напоили его, забрали олениху Пеструху, а под малицу положили бутылку с минеральной водой). Первый порыв героя – желание отомстить, сию же минуту, без промедления. Но, немного успокоившись, подумав, он пришел к заключению, «что если бы умел читать, то, может быть, не случилось бы всего этого: уж самый что ни на есть последний искатель держал бы себя по-другому с грамотным охотником» [Айпин 1990, 329]. Именно уверенность в правильности принятого решения заставила его следовать вере предков, претворить душу в звезду и с неба оберегать своих близких. Герой принимает решение, дающее, по его убеждению, Анисье и детям шанс на спасение: «Он чувствовал себя звеном той связи, которая соединяет воедино все то, что называется Жизнью – и Солнце, и Звезды, и Землю, и людей – близких и дальних родственников. <...> И, ощутив упругое тело аркана, он шагнул в черноту ночи, уверенный в том, что, когда придет время, он взойдет на востоке Звездой Утренней Зари и принесет людям новый день...» [Айпин 1990, 334]. В произведении хантыйского прозаика героя поглощает чернота ночи, что является свидетельством устойчивости этого символа смерти, духовной и телесной.

Так, в прозе Е. Д. Айпина сложился образ *праведника*, деревенского жителя, которого характеризуют слитность с природой и землей, сопричастность к роду; он отражает ментальные особенности национального характера. Праведник в прозе хантыйского прозаика стремится жить по законам высокой нравственности, он имеет свое собственное восприятие мира, что регламентируется этническим мировоззрением. Его образ вписывается в концепцию традиционных героев деревенской прозы.

ЛИТЕРАТУРА

- Айпин Е. Д.* Ханты, или Звезда Утренней Зари. М.: Молодая гвардия, 1990. 334 с.
- Айпин Е. Д.* Клятвопреступник. Избранное: Роман и рассказы. М.: Русло, 1993. 423 с.
- Косинцева Е. В.* Образ праведника в прозе Р. П. Ругина // Вестник угроведения. 2012. № 2. С. 42–49.
- Лагунов К.* Портреты без ретуши. Тюмень: ТОИПКПК, 1994. 191 с.
- Лагунова О. К.* Модель мира в романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» Е. Д. Айпина // Вестник Тюменского государственного университета. 2000. № 4. С. 19–27.
- Лагунова О. К.* Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2007. 260 с.
- Литовская М. А.* Картина мира в романе Е. Д. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари» // Космос Севера. 2002. Вып. 3. С. 130–143.
- Солженицын А.* Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину 4 мая 2000 года // Новый мир. 2000. № 5. С. 185–187.
- Ушаков Д. Н.* Толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Пресс, 2005. 1216 с.
- Хазанкович Ю.* Сопrotивление распаду // Хантыйская литература: Сборник / сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2002. С. 77–81.
- Хализев В. Е.* «Герои времени» и праведничество в освещении русских писателей XIX века // Русская литература XIX в. и христианство: сб. ст. М.: МГУ, 1997. С. 111–119.
- Nikita A. Valianov* The Concept of Righteousness in the Literary Prose of M. A. Tar-kovsky // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. № 8. Pp. 1459–1468.

Поступила в редакцию 27.04.2018

Косинцева Елена Викторовна,
доктор филологических наук, доцент,
БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок»
628011, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14А
e-mail: Kosintseva_elena@mail.ru

E. V. Kosintseva

The image of the righteous man in prose of E. D. Aipin

The Khanty literature, which has been developing as the part of the Finno-Ugric literature since 1930s, has some trends shared with the so-called village literature. A.I.Solzhenitsyn was right, when he said that the main thing for village literature is not the image of the village, but “the revival of traditional morality.” Together with the artistic method of village prose, which has received development in works of R. P. Rugin, E. D. Aipin, T. A. Moldanova, Z. V. Longortova, the concept of the righteousness, embodying traditional ethnic values, appeared in the Khanty literature. The writers who grew up in Khanty villages (in ancestral settlements) represent the traditional way of life of the people as well as the troubles connected with the industrial development of Siberia.

There is no traditional image of a village in Khanty literature. The image of a settlement is formed under the influence of geographical conditions and traditional ways of life of the

people (raw-hide tent, winter and summer house, hunting hut, hunting lodge, nomad camp, fishing camp, etc.). Nevertheless, the concept of character drawing is quite traditional for the village prose. One of the demonstrative images of this literary tradition is the image of a righteous person. In the dictionary interpretation of this concept, a righteous man is a person who does not violate the requirements of morality in actions and behavior.

In E. D. Aipin's creative work the concept of a righteous person is most clearly seen in the story "In Darkness" and in the novel "Khanty, or the Star of the Dawn." For two characters – Ephraim and Demyan – righteousness is associated with ethnic philosophical view of the world. The righteous man in his works is characterized by unity with nature and earth, involvement in the kin; he seeks to live by the laws of high morality and has his own perception of the world. He reflects the mental peculiarities of the national character. According to V. E. Khalizev, E. D. Aipin's characters – the righteous men – became the "embodiment of the ethnic traditional values". The analysis of the works by E. D. Aipin shows that the righteous man is not able to resist the changes, which civilization has brought to the North. It is no coincidence that the author uses the symbol of night darkness as a marker of death, disappearance of anything bright, kind, spiritually and morally pure both in the world and humans.

The righteous men in works by E. D. Aipin live according to ethical norms defining their views and behavior; in line with the ethnic system of moral and religious values and prohibitions these characters implement the concept of righteousness in the Khanty literature.

Keywords: Khanty literature, image of the righteous man, E. D. Aipin, village prose.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2018, vol. 12, issue 3, pp. 82–91. In Russian.

REFERENCES

Aipin E. D. *Khanty, ili Zvezda Utrenney Zari* [Khanty, or the Star of the Dawn]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1990. 334 p. In Russian.

Aipin E. D. *Klyatvoprestupnik* [The Oathbreaker]. *Izbrannoe: Roman i rasskazy* [Selected works: Novel and stories]. Moscow, Ruslo Publ., 1993. 423 p. In Russian.

Kosintseva E. V. *Obraz pravednika v proze R. P. Rugina* [The image of the righteous man in prose of R. P. Rugin]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2012, no. 2, pp. 42–49. In Russian.

Lagunov K. *Portrety bez retushi* [Portraits without retouching]. Tyumen, TOIPKPK Publ., 1994. 191 p. In Russian.

Lagunova O. K. *Model' mira v romane «Khanty, ili Zvezda Utrenney Zari» E. D. Aypina* [The model of world in the novel "Khanty, or the Star of the Dawn"]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tyumen State University], 2000, no. 4, pp. 19–27. In Russian.

Lagunova O. K. *Fenomen tvorchestva russkoyazychnykh pisateley nentsev i khantov posledney tretii XX veka (E. Aypin, Yu. Vella, A. Nerkagi)* [The phenomenon of creativity of Russian-language writers of the Nenets and the Khanty of last third of the XX century (E. Aipin, Yu. Vella, A. Nerkagi)]. Tyumen, Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2007. 260 p. In Russian.

Litovskaya M. A. *Kartina mira v romane E. D. Aypina «Khanty, ili Zvezda Utrenney Zari»* [Picture of the world in the novel of E. D. Aipin "Khanty, or the Star of the Dawn"]. *Kosmos Severa* [Space of the North], 2002, no. 3, pp. 130–143. In Russian.

Solzhenitsyn A. *Slovo pri vruchenii premii Solzhenitsyna Valentinu Rasputinu 4 maya 2000 goda* [Speech of Solzhenitsyn for Valentin Rasputin at the award ceremony in May 4, 2000]. *Novyy mir* [New world], 2000, no. 5, pp. 185–187. In Russian.

Ushakov D. N. *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of modern Russian language]. Moscow, Al'ta-Press Publ., 2005. 1216 p. In Russian.

Khazankovich Yu. *Soprotivlenie raspadu* [Resistance to decay]. *Khantyyskaya literatura: Sbornik* [Khanty literature: collection]. Moscow, Literaturnaya Rossiya Publ., 2002. Pp. 77–81. In Russian.

Khalizev V. E. «Geroi vremeni» i pravednichestvo v osveshchenii russkikh pisateley XIX veka [“Heroes of time” and righteousness in the coverage of Russian writers of the XIX century]. *Russkaya literatura XIX v. i khristianstvo: sb. st.* [Russian literature of XIX century and Christianity: collection of articles]. Moscow, MGU Publ., 1997. Pp. 111–119. In Russian.

Nikita A. Valianov The Concept of Righteousness in the Literary Prose of M.A. Tarkovsky. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2015, no. 8, pp. 1459–1468. In English.

Received 27.04.2018

Kosintseva Elena Viktorovna,
Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor,
Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
14A, ul. Mira, Khanty-Mansiysk, 628011, Russian Federation
e-mail: Kosintseva_elen@mail.ru